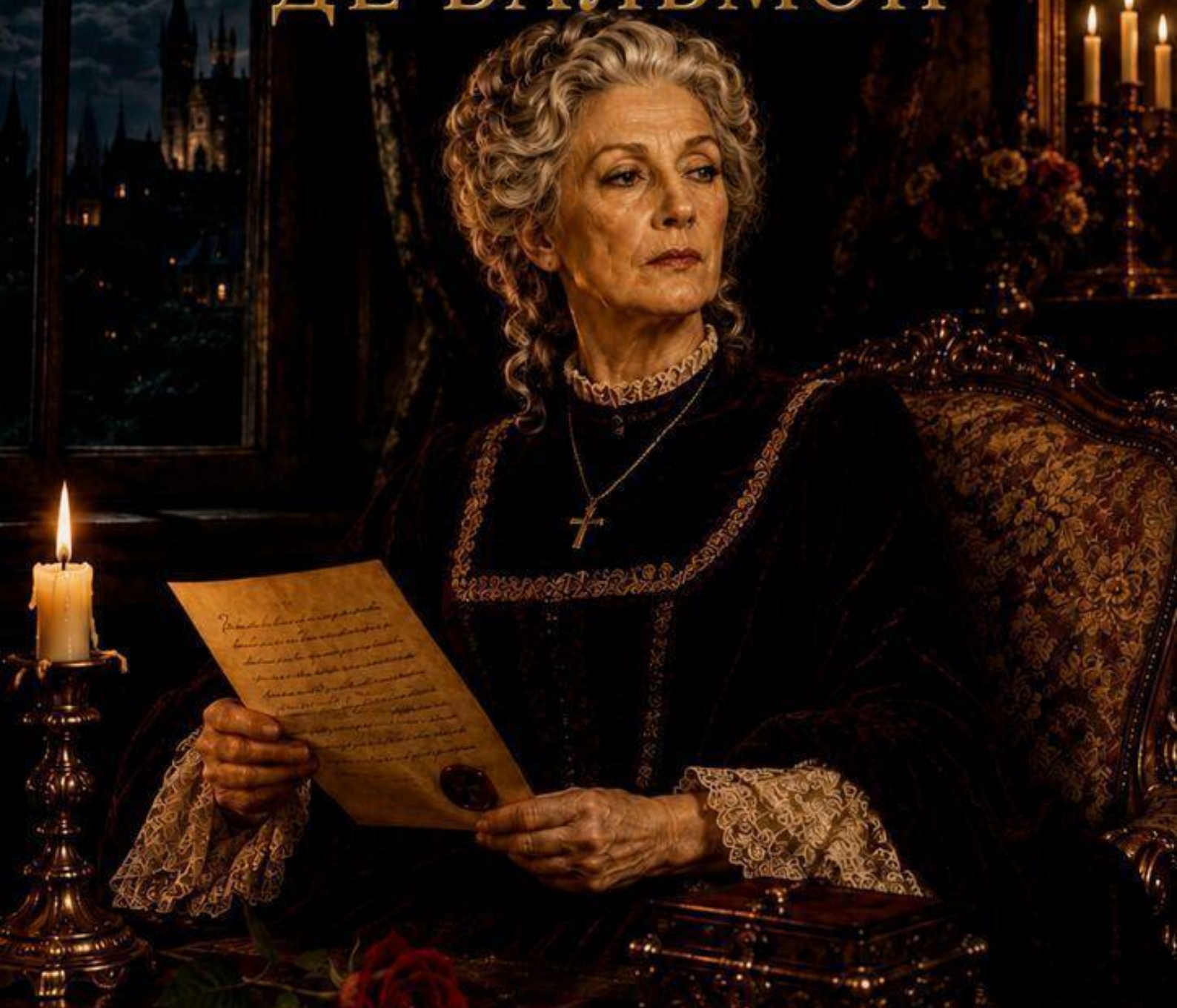

12+

Виктор Харебов
Сергей Харебов

КЛЯТВА
МАРКИЗЫ
ДЕ ВАЛЬМОН

Виктор Харебов

**Клятва маркизы де Вальмон.
Пятая книга цикла «Завещание
Великого Магистра»**

«Издательские решения»

Харегов В.

Клятва маркизы де Вальмон. Пятая книга цикла «Завещание Великого Магистра» / В. Харегов — «Издательские решения»,

1748 год. Элеонора де Вальмон получает от бабушки ларец с письмом Изабель, печатью и картой, ведущей к тайному архиву тамплиеров. Путь приводит ее в аббатство, где хранится наследие Гийома и Изабель. Архив опаснее золота — его документы могут изменить судьбы династий. Приняв клятву, Элеонора должна защитить тайну от того, кто не верит, что миру нужна вся правда.

© Харегов В.

© Издательские решения

Содержание

Пролог. Последняя воля	6
Глава 1. Завещание	9
Глава 2. Письмо Изабель	21
Глава 3. Родословная	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Клятва маркизы де Вальмон Пятая книга цикла «Завещание Великого Магистра»

**Виктор Харебов
Сергей Харебов**

© Виктор Харебов, 2026

© Сергей Харебов, 2026

ISBN 978-5-0071-4556-5 (т. 5)

ISBN 978-5-0071-4462-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Последняя воля

Осень 1748 года выдалась холодной и дождливой. Уже несколько недель над долиной, где возвышался старинный замок де Вальмон, почти не рассеивались тяжелые серые облака. Каменные стены, пережившие войны, смуты и смену династий, влажно поблескивали в непрерывной мороси, а ветер, налетавший с гор, раскачивал ветви старых лип, посаженных еще предками нынешней хозяйки замка.

Маркиза Луиза де Вальмон давно не вставала с постели. Болезнь неумолимо отнимала силы. Лучшие лекари, приглашенные из Лиона и Парижа, давно перестали давать надежду, но сама Луиза принимала приближение смерти с той редкой ясностью, которая приходит лишь к человеку, успевшему исполнить почти все, что считал своим долгом.

В тот день она велела распахнуть тяжелые бархатные шторы. Сквозь высокие окна в комнату проник тусклый осенний свет, осветив старинные портреты предков, развешанные на стенах. На одном из них был изображен молодой рыцарь в темном плаще с серебряным крестом на груди. На другом — женщина с удивительно ясным взглядом и благородными чертами лица. Их имена давно стали частью семейных преданий, но сама маркиза знала о них гораздо больше, чем было принято рассказывать даже самым близким.

Возле камина стоял пожилой нотариус господин Бержье. Он служил семье де Вальмон почти сорок лет и не раз составлял документы, касавшиеся владений и наследственных прав, однако сегодня понимал, что ему предстоит исполнить необычное поручение. Рядом с ним молча ожидал настоятель монастыря Святого Михаила, аббат Огюстен, человек преклонного возраста, чья дружба с маркизой продолжалась много лет.

Луиза открыла глаза и жестом попросила обоих приблизиться.

— Господин Бержье, — произнесла она ровно, но твердо, — вы готовы записать мою последнюю волю?

Нотариус поклонился.

— Все подготовлено, госпожа маркиза. Осталось лишь изложить ваши распоряжения.

Луиза на несколько мгновений прикрыла глаза, после чего заговорила:

— Замок, виноградники и земли перейдут тем, кому они принадлежат по праву наследования. Я не хочу, чтобы после моей смерти между родственниками возникли споры. Все это давно определено законом, и я не намерена его нарушать.

Нотариус быстро записывал каждое слово, лишь изредка поднимая голову, чтобы убедиться, не пожелает ли маркиза что-либо изменить.

Когда он закончил первую часть завещания, Луиза перевела взгляд на настоятеля.

— Теперь настало время исполнить обещание, которое много поколений давали мои предки.

Аббат кивнул.

— Я ждал этого дня, хотя всегда надеялся, что он наступит как можно позже.

Маркиза едва заметно улыбнулась.

— И я надеялась. Но Господь распорядился иначе.

Она попросила горничную открыть стоявший у стены старый дубовый шкаф. Из его глубины служанка бережно вынесла небольшой ларец, окованный потемневшим серебром. Несмотря на скромные размеры, он выглядел удивительно тяжелым, а замок был запечатан красным воском, на котором сохранился отпечаток старинной печати.

Нотариус с любопытством посмотрел на ларец.

— Простите мою нескромность, госпожа маркиза, но неужели именно этот предмет вы намерены включить в завещание?

— Да, — ответила Луиза. — Однако он не является частью моего имущества.

Бержье удивленно поднял брови.

— Если он не принадлежит вам, то кому же?

Маркиза помолчала, подбирая слова.

— Никому.

Нотариус вопросительно посмотрел на настоятеля, однако тот произнес ровно:

— Иногда существуют вещи, которыми нельзя владеть. Их можно лишь хранить.

Бержье счел эти слова странными, но многолетняя служба научила его не задавать лишних вопросов.

В этот момент дверь комнаты отворилась.

Горничная ввела молодую женщину лет двадцати пяти. Это была внучка маркизы — Элеонора де Вальмон. Получив письмо с просьбой немедленно приехать в родовой замок, она проделала долгий путь из Парижа и теперь с тревогой смотрела на осунувшееся лицо бабушки.

Подойдя к постели, Элеонора опустилась на колени и взяла ее руку.

— Бабушка... вы хотели видеть меня?

Луиза ласково провела ладонью по ее волосам.

— Да, дитя мое. Я слишком долго откладывала этот разговор. Пришло время рассказать тебе то, о чем в нашем роду говорили лишь перед самой смертью.

Она указала взглядом на ларец.

— Подойди ближе.

Элеонора подняла тяжелый ларец и поставила его на стол возле кровати.

— Он всегда стоял в вашем кабинете, — сказала она. — В детстве мне казалось, что в нем хранятся семейные драгоценности.

Луиза покачала головой.

— Драгоценности со временем теряют цену. То, что находится здесь, невозможно измерить ни золотом, ни титулами.

Она положила руку на крышку ларца и продолжила уже заметно тише:

— Внутри лежит письмо Изабель де Вальмон, написанное более трех с половиной столетий назад. Рядом находится родословная нашего рода, дневник одного из хранителей, серебряная печать Монтерранов и карта, которую поймет лишь тот, кто прочтет все остальные документы.

Элеонора слушала, не перебивая.

Имя Изабель де Вальмон она слышала лишь однажды — в старинной семейной молитве, которую ее бабушка произносила каждый год в один и тот же осенний день. Тогда она не придала этому значения, считая имя частью древнего обряда, смысл которого давно забыт.

Луиза улыбнулась, заметив ее удивление.

— Ты еще не понимаешь, почему именно тебе я передаю этот ларец. Поймешь позже. Когда прочтешь все, что хранится внутри, ты узнаешь, что история нашего рода началась не в этих стенах и не с тех предков, чьи портреты украшают галерею замка.

Она сделала короткую паузу, переводя дыхание, затем, собрав последние силы, произнесла слова, которые многие поколения семьи де Вальмон повторяли как клятву:

— Запомни их навсегда, Элеонора. Наш род никогда не владел этим наследством. Мы лишь хранили его. И если Господь избрал тебя продолжить этот долг, не ищи в нем ни славы, ни богатства. Ищи только истину.

Элеонора молча склонила голову. Она еще не знала, что вместе с небольшим старинным ларцом принимает на себя обязанность, которая пережила четыре столетия, несколько войн, гибель могущественного Ордена и множество человеческих судеб.

Спустя несколько часов маркизы Луизы де Вальмон не стало.

А вместе с ней завершилась одна эпоха в истории древнего рода. Но в тот самый день началась другая — история молодой наследницы, которой предстояло узнать, почему имя Иза-

бель де Вальмон продолжало жить в памяти семьи, несмотря на прошедшие века, и какое отношение к этой женщине имели последние хранители архива Ордена Храма.

Глава 1. Завещание

Колокола приходской церкви Сен-Мартен звонили протяжно и гулко, словно не только извещали жителей долины о смерти маркизы Луизы де Вальмон, но и отдавали последние почести уходящей эпохе. Их тяжелый звон далеко разносился по окрестным холмам, отражался от лесистых склонов и растворялся среди виноградников, уже почти полностью лишившихся осенней листвы.

Уже несколько дней над долиной, где на невысоком холме возвышался старинный замок де Вальмон, стояла ясная погода. По утрам над рекой поднимался легкий туман, скрывавший виноградники и фруктовые сады, а к полудню солнце вновь заливало светом серые каменные стены, будто стремилось вернуть им то величие, которым они славились еще во времена Людовика XIII. Однако в эти дни даже солнечный свет не мог рассеять ту печаль, которая поселилась в доме после смерти его хозяйки.

Маркизу Луизу де Вальмон похоронили неделю назад в фамильном склепе при старой часовне Святого Михаила, стоявшей на окраине парка. Похоронная процессия давно разошлась, отпели последние заупокойные мессы, слуги сняли траурные покрывала с большей части мебели, но замок словно не желал расставаться с ощущением утраты. Люди, десятилетиями служившие семье, по-прежнему говорили вполголоса, а тяжелые шаги по длинным каменным галереям невольно заставляли каждого оглядываться, будто хозяйка могла в любую минуту выйти из своего кабинета и, как прежде, поинтересоваться, все ли идет должным образом.

За свою долгую жизнь Луиза де Вальмон сумела добиться того редкого уважения, которое рождается не из страха перед высоким титулом, а из доверия к человеческому характеру. Даже те родственники, которые приезжали в замок исключительно по необходимости и не скрывали своих разногласий с маркизой, теперь признавали, что вместе с ней ушла последняя представительница поколения, умевшего удерживать большую семью от распада.

Тем заметнее становилось напряжение, возникшее сразу после похорон.

Никто не говорил об этом вслух, однако все понимали, что причиной задержки многочисленных гостей были вовсе не траурные церемонии. Согласно последней воле покойной, оглашение завещания должно было состояться лишь через семь дней после погребения, и почти все родственники предпочли остаться в замке до назначенного дня.

К полудню в большой приемной зале собрались представители нескольких ветвей рода де Вальмон. Просторное помещение с высоким потолком, дубовыми панелями и огромным каминном не раз становилось свидетелем семейных праздников, свадеб и крестин, однако сегодня его торжественная красота казалась холодной и чужой. Сквозь высокие окна были видны пожелтевшие липы, неподвижные статуи античных богов и длинная аллея, ведущая к главным воротам. Осенний ветер время от времени срывал листья с деревьев, и они кружились над дорожками парка, словно сама природа напоминала людям о неизбежности ухода всего земного.

Гости занимали места небольшими группами. Одни обменивались вежливыми любезностями, другие обсуждали дорогу, погоду и урожай винограда, однако за этими ничего не значащими разговорами угадывалось ожидание, становившееся все более ощутимым по мере приближения назначенного часа.

Барон Шарль де Ларош, приходившийся покойной троюродным племянником, держался с достоинством человека, давно привыкшего считать себя одним из наиболее влиятельных представителей семьи. Он был еще не стар, тщательно следил за своей внешностью и обладал той безукоризненной обходительностью, которая нередко скрывает честолюбие гораздо лучше, чем откровенная резкость. Разговаривая с супругой, он говорил приглушенно, однако опыт-

ный наблюдатель без труда заметил бы, что мысли барона заняты вовсе не воспоминаниями о покойной родственнице.

— Если верить управляющему, — произнес он, разглаживая кружевную манжету, — доход с южных виноградников за последние годы значительно вырос. Госпожа Луиза всегда умела распоряжаться своими землями лучше многих соседей.

Баронесса едва заметно улыбнулась.

— Вам кажется, что она оставила их именно вам?

— Я не настолько самонадеян, чтобы говорить об этом с уверенностью, — ответил де Ларош, — однако было бы вполне естественно, если бы владения перешли к человеку, способному сохранить их в порядке.

— Или увеличить их стоимость?

Барон позволил себе короткую усмешку.

— Одно другому нисколько не мешает.

Их разговор оборвался, когда к камину подошел виконт Арман де Морье — высокий, худощавый мужчина лет сорока пяти, отличавшийся вспыльчивым нравом и привычкой говорить значительно прямолинейнее, чем это было принято в хорошем обществе.

— Полагаю, сегодня многие строят подобные предположения, — заметил он, усаживаясь в кресло напротив. — Вопрос лишь в том, насколько желания совпадут с действительностью.

— Вы сомневаетесь в благоразумии нашей покойной родственницы? — вежливо осведомился барон.

— Ни в коем случае. Я лишь слишком хорошо знаю жизнь. Когда речь заходит о наследстве, самые добрые семейные чувства почему-то начинают измеряться стоимостью земельных угодий.

Барон тихо рассмеялся.

— Вы неисправимый скептик, виконт.

— Скорее наблюдатель.

— В таком случае ваши наблюдения сегодня наверняка будут весьма интересны.

Несколько человек, находившихся поблизости, невольно прислушались к разговору, однако дальнейшего развития он не получил.

У противоположного окна сидела молодая Элеонора де Вальмон.

В отличие от остальных родственников, она почти не принимала участия в беседах. Ее черное траурное платье резко выделялось на фоне светлых стен, а сосредоточенное лицо сохраняло то выражение, которое редко встречается у людей, только что переживших тяжелую утрату. Многие принимали это за холодность, хотя на самом деле Элеонора просто устала отвечать на бесконечные слова сочувствия, за которыми все чаще ощущалось плохо скрываемое любопытство.

Она была единственной, кто в последние годы постоянно жил рядом с Луизой де Вальмон. Именно ей довелось проводить долгие вечера в библиотеке, слушать рассказы о прошлом семьи, сопровождать бабушку во время прогулок по старому парку и видеть, как постепенно угасают силы женщины, еще совсем недавно самостоятельно управлявшей огромным хозяйством.

Поэтому сегодняшний день вызывал у нее совсем иные чувства, чем у остальных.

Ее меньше всего интересовало наследство.

Больше всего она пыталась понять последние слова, сказанные бабушкой незадолго до смерти.

Луиза тогда неожиданно попросила всех выйти из комнаты, подозвала внучку к себе и долго смотрела ей в глаза так внимательно, словно старалась убедиться, что та запомнит каждое произнесенное слово.

«Не торопись открывать то, что я тебе оставлю. Всему свое время. Иногда истина приходит только тогда, когда человек готов ее принять».

Эти слова Элеонора вспоминала каждый день.

Она не знала, что именно имела в виду бабушка.

Не знала даже, оставила ли ей хоть что-нибудь.

Но почему-то была уверена, что смысл сказанного гораздо глубже обычного завещания.

Размышления молодой женщины прервал шум открывшейся двери.

В зал вошел нотариус Огюст Бержье.

Это был высокий пожилой человек с седыми волосами и невозмутимым лицом. Он более сорока лет вел дела семьи де Вальмон и пользовался безусловным доверием покойной маркизы. Следом за ним появился аббат Огюстен — настоятель монастыря Святого Михаила, духовник Луизы и один из немногих людей, которым она доверяла безоговорочно.

Разговоры постепенно стихли.

Все заняли свои места.

Бержье положил на стол объемную кожаную папку, снял перчатки и, дождавшись полной тишины, обратился к присутствующим:

— Господа, благодарю вас за то, что вы откликнулись на приглашение. Сегодня мне предстоит исполнить последнюю волю маркизы Луизы де Вальмон. Документ был составлен в полном соответствии с законами королевства, подписан лично госпожой маркизой и удостоверен в присутствии свидетелей. Если ни у кого нет возражений относительно его законности, я приступаю к оглашению.

Никто не ответил.

Лишь потрескивание дров в камине нарушало наступившую тишину.

Нотариус неторопливо развернул пергамент и начал читать...

Первые страницы завещания не вызвали у присутствующих особого интереса. Господин Бержье зачитывал распоряжения, касавшиеся долгов, пожертвований и выплат людям, которые долгие годы служили семье де Вальмон. Голос нотариуса звучал ровно, без малейшего оттенка торжественности. Он не повышал интонации и не делал выразительных пауз, словно сознательно не позволял собственным чувствам вмешиваться в исполнение профессионального долга. Однако чем дольше продолжалось чтение, тем заметнее становилось, что лица собравшихся постепенно утрачивают прежнее выражение уверенного ожидания.

Луиза де Вальмон распорядилась назначить пожизненное содержание старой экономке Анне Дюбуа, прослужившей в замке более сорока лет, выделила значительную сумму семье покойного управляющего Леклера, который еще при жизни спас поместье от разорения в тяжелые годы неурожая, а также повелела ежегодно перечислять средства приходской школе и госпиталю Святого Луки. Отдельным пунктом была предусмотрена помощь вдовам бывших работников поместья и содержание небольшой богадельни в соседней деревне. Для самой Луизы подобные распоряжения были совершенно естественными: она никогда не считала благотворительность проявлением великодушия, а воспринимала ее как обязанность человека, которому судьба доверила больше, чем другим. Однако далеко не все родственники разделяли подобные взгляды.

Барон де Ларош терпеливо слушал, хотя его пальцы все чаще постукивали по резному подлокотнику кресла. Виконт Морье, напротив, не скрывал раздражения и несколько раз бросал быстрые взгляды на нотариуса, словно надеялся, что перечисление пожертвований вот-вот закончится и разговор наконец перейдет к тому, ради чего все собрались в замке. Лишь Элеонора внимательно слушала каждое слово. Ей казалось, что она вновь слышит голос бабушки. За официальным языком документа угадывался характер женщины, которую она знала лучше всех присутствующих. Даже распределяя деньги, Луиза прежде всего вспоминала о людях, а не о размерах их состояния.

Когда чтение дошло до распоряжений относительно земельных владений, напряжение в зале стало почти осязаемым. Именно здесь, как ожидали многие, должно было определиться будущее огромного состояния семьи.

— «Виноградники Сен-Реми, — продолжал нотариус, — передаются господину Этьену де Бовуару и его наследникам с условием сохранения существующих договоров с арендаторами...»

Барон едва заметно нахмурился.

Имя Этьена де Бовуара почти ничего не говорило большинству присутствующих. Этот дальний родственник уже много лет жил в Бургундии и практически не поддерживал связей с семьей. Несколько человек удивленно переглянулись, однако нотариус невозмутимо продолжил чтение.

Следующее распоряжение оказалось не менее неожиданным. Северные поля отходили семье де Рошфор, владевшей небольшим имением в Нормандии. Затем были названы охотничьи угодья, мельница на реке, несколько фермерских хозяйств и старый дом в Дижоне. Каждое владение находило нового хозяина, но ни один из присутствующих пока не получил того, на что рассчитывал.

В комнате повисла тишина.

Барон больше не пытался скрывать своего недовольства. Он внимательно следил за каждым словом нотариуса, словно надеялся обнаружить ошибку или случайную оговорку. Виконт Морье перестал изображать безразличие и теперь открыто слушал, подавшись вперед. Даже графиня де Сен-Реми, обычно сохранявшая безупречное спокойствие, подняла голову и несколько раз вопросительно посмотрела на Бержье.

Нотариус между тем перевернул очередную страницу и продолжил читать тем же ровным голосом, не позволяя себе ни малейшего отступления от текста.

— «Считаю своим долгом особо отметить, что ни один из людей, много лет работавших на землях де Вальмон, не должен пострадать от смены владельцев. Все договоры аренды и все обязательства перед крестьянами остаются в силе...»

Эти слова вызвали у барона едва заметную усмешку.

— Госпожа маркиза, как всегда, заботилась обо всех, — произнес он вполголоса, обращаясь скорее к самому себе, чем к окружающим.

Виконт услышал его реплику и с легкой иронией заметил:

— В этом вы совершенно правы. Остается лишь выяснить, нашлось ли место в ее заботах для собственной семьи.

Несколько человек улыбнулись, однако никто не поддержал разговор. Даже среди родственников было немало тех, кто понимал: подобные замечания сейчас звучат не слишком уместно.

Элеонора заметила, что аббат Огюстен продолжает сидеть неподвижно, положив руки на набалдашник старой трости. За все время чтения он не произнес ни слова, но выражение его лица не менялось. Казалось, содержание завещания вовсе не было для него неожиданностью.

Эта мысль заставила молодую женщину задуматься.

За последние месяцы жизни бабушки настоятель бывал в замке значительно чаще обычного. Иногда они подолгу беседовали в библиотеке, иногда уходили гулять по старому парку, а однажды Луиза даже распорядилась никого не впускать в кабинет до самого вечера. Тогда Элеонора не придавала этому особого значения. Теперь же ей все чаще казалось, что именно в те дни решалась судьба какого-то дела, о существовании которого она даже не подозревала.

Размышления прервал голос нотариуса.

— Далее следует распоряжение относительно библиотеки, архива и семейной часовни.

Барон вопросительно поднял голову.

— «Библиотека, архив и все документы рода де Вальмон являются неделимым достоянием семьи и не подлежат продаже, обмену либо уничтожению. Любой представитель рода, принявший решение нарушить это условие, тем самым лишает себя права на наследование имущества семьи...»

На этот раз в комнате послышался настоящий ропот.

Такого пункта никто не ожидал.

Даже виконт, обычно не проявлявший интереса к книгам и старым бумагам, удивленно посмотрел на нотариуса.

— Простите, господин Бержье, — произнес он после короткой паузы. — Неужели господа маркиза действительно сочла необходимым включить подобное условие в завещание?

— Именно такова ее воля, — ровным голосом ответил нотариус.

— Но архив представляет интерес лишь для историков.

— Возможно.

— Тогда зачем уделять ему столько внимания?

Бержье ненадолго задумался.

— Позволю себе напомнить, господин виконт, что я лишь исполняю волю покойной. Однако за многие годы знакомства с маркизой я понял одну особенность ее характера. Если она считала нужным сохранить даже самый незначительный документ, значит, видела в нем ценность, которую другие пока не способны оценить.

В разговор неожиданно вмешалась графиня де Сен-Реми.

— Луиза всегда говорила, что память семьи стоит дороже ее богатства. Когда-то мне казалось, что это лишь красивое выражение, но, похоже, она действительно руководствовалась этим убеждением.

Барон вежливо поклонился пожилой даме.

— Красивые слова достойны уважения, мадам, однако содержание замка и земель требует не воспоминаний, а денег.

— А разве одно исключает другое? — спросила графиня.

Барон не нашелся с ответом.

Нотариус воспользовался возникшей паузой и продолжил чтение.

Никто из присутствующих еще не подозревал, что самая неожиданная часть завещания впереди. Именно она должна была изменить настроение в зале, превратив обычное распределение наследства в событие, которое навсегда останется в памяти всех свидетелей этого дня.

Несмотря на внешнее спокойствие, царившее в зале, каждый из присутствующих чувствовал, что завещание развивается совсем не так, как ожидалось. Еще утром многие были уверены, что главной темой разговора станет раздел обширных владений семьи де Вальмон. Теперь же становилось очевидно: Луиза де Вальмон сознательно выстроила свой последний документ таким образом, чтобы прежде всего напомнить наследникам не о богатстве рода, а об ответственности, которую оно накладывает. Одних это раздражало, других заставляло задуматься, однако никто уже не сомневался, что впереди их ожидает еще не одно неожиданное решение.

Господин Бержье, не торопясь переверачивая следующую страницу, воспользовался короткой паузой, чтобы сделать несколько глотков воды. За долгие годы службы он научился безошибочно чувствовать настроение людей, собравшихся вокруг стола, и сейчас прекрасно видел, как постепенно исчезает их уверенность. Если в начале чтения почти каждый мысленно распределял между собой земли, виноградники и доходные поместья, то теперь даже самые расчетливые родственники начинали понимать, что покойная маркиза руководствовалась логикой, далекой от привычных представлений о наследстве.

Элеонора невольно перевела взгляд на большой портрет, висевший над камином. На нем Луиза была изображена еще молодой женщиной, какой ее уже почти никто не помнил: с откры-

тым лицом, легкой улыбкой и тем уверенным выражением глаз, которое всегда производило впечатление внутренней силы. Художник сумел передать не только внешнее сходство, но и характер своей модели. Даже теперь, спустя много лет после написания портрета, казалось, что хозяйка замка внимательно наблюдает за происходящим в зале и молча оценивает каждого из своих родственников.

Элеонора часто ловила себя на мысли, что никогда не видела бабушку растерянной. В самые тяжелые годы, когда несколько подряд неурожайных сезонов поставили многие окрестные поместья на грань разорения, Луиза сохраняла удивительное самообладание. Когда во время сильного пожара загорелись хозяйственные постройки, именно она первой организовала спасение людей и имущества. Даже болезнь, постепенно отнимавшая у нее силы, не изменила этой удивительной способности принимать решения без суеты и лишних слов. Поэтому молодая маркиза не могла поверить, что столь необычное завещание стало следствием случайного порыва. За каждым его пунктом наверняка скрывался тщательно продуманный замысел.

Тем временем нотариус продолжил чтение.

— «Сумма, находящаяся на хранении в банкирском доме „Бержере и сыновья“, распределяется следующим образом...»

Несколько родственников заметно оживились.

Речь впервые зашла о денежных вкладах, и именно они многим казались наиболее желанной частью наследства. Однако уже через несколько минут лица слушателей вновь изменились.

Значительная часть капитала предназначалась для восстановления госпиталя Святого Луки, пострадавшего после недавнего пожара. Немалые средства выделялись монастырю Святого Михаила на содержание приюта для сирот, а также на устройство школы, которую Луиза мечтала открыть в соседней деревне. Остальные суммы распределялись между несколькими дальними родственниками, оказавшимися в затруднительном материальном положении, причем размеры этих выплат были рассчитаны с поразительной точностью, словно покойная заранее изучила обстоятельства жизни каждого из них.

Барон де Ларош все труднее скрывал свое раздражение. Он сидел неподвижно, однако Элеонора заметила, как побелели костяшки его пальцев, крепко сжимавших набалдашник трости. Наконец барон не выдержал и, дождавшись, когда нотариус закончит очередной раздел, заговорил с подчеркнутой вежливостью:

— Прошу простить меня, господин Бержье, если мой вопрос покажется неуместным, однако я не могу избавиться от впечатления, что госпожа маркиза при составлении завещания руководствовалась скорее чувствами, чем интересами семьи. Разве не естественно было бы сохранить большую часть состояния в пределах ближайшей линии рода?

Нотариус спокойно посмотрел на собеседника.

— Насколько мне известно, именно этот вопрос я однажды задал и самой госпоже маркизе.

По залу пробежал едва заметный шепот.

Барон удивленно поднял брови.

— Позвольте спросить, что она ответила?

Бержье на мгновение задумался, словно заново услышал слова Луизы.

— Она сказала: «Семья существует не для того, чтобы умножать богатство. Богатство существует лишь до тех пор, пока помогает сохранить семью. Когда люди начинают путать одно с другим, они неизбежно теряют и то, и другое».

В комнате стало необычайно тихо.

Даже виконт Морье не нашелся с возражением.

Первой нарушила молчание графиня де Сен-Реми.

— Это очень похоже на Луизу. Она умела выражать самые сложные мысли несколькими простыми словами.

Барон почтительно наклонил голову, однако по выражению его лица было видно, что подобная философия несколько его не убеждает.

— Возможно, мадам. И все же нельзя отрицать, что владения требуют хозяина. Земли не могут существовать сами по себе.

— Именно поэтому они и распределены между теми, кто способен ими заниматься, — неожиданно произнес аббат Огюстен.

Барон повернулся к настоятелю.

— Вы хотите сказать, что госпожа маркиза заранее оценивала хозяйственные способности каждого наследника?

— Именно это она и делала всю жизнь.

Ответ прозвучал ровно, без тени упрёка, но в нем чувствовалась такая уверенность, что спорить дальше было бессмысленно.

Виконт Морье, до сих пор внимательно наблюдавший за разговором, решил перевести его в другое русло.

— Допустим, с землями все более или менее понятно, — сказал он. — Однако остается главный вопрос. Кто будет распоряжаться самим замком?

Это был именно тот вопрос, который мысленно задавали себе почти все присутствующие.

Замок де Вальмон являлся не только самым ценным владением семьи, но и ее символом. Здесь хранилась библиотека, семейный архив, художественные коллекции, старинное оружие, многочисленные портреты предков и бесчисленные реликвии, накопленные несколькими столетиями. Кто станет хозяином этого дома, тот неизбежно окажется признанным главой рода.

Господин Бержье перевернул страницу.

Элеонора заметила, что движения нотариуса стали еще более неторопливыми. Создавалось впечатление, будто он сознательно дает присутствующим возможность подготовиться к следующим словам.

— Господа, — произнес он, — дальнейший раздел завещания касается именно родового замка.

Все разговоры мгновенно прекратились.

Барон выпрямился в кресле.

Виконт перестал постукивать пальцами по подлокотнику.

Даже слуги, стоявшие у дальней стены, словно невольно прислушались.

Нотариус развернул последний лист.

— «Замок де Вальмон, все принадлежащие ему строения, библиотека, архив, часовня, коллекции живописи, оружия, рукописей и предметов искусства остаются единым и неделимым достоянием рода де Вальмон. Они не могут быть проданы, разделены между наследниками или переданы посторонним лицам. Ответственность за сохранность замка возлагается на семейный совет, который обязан ежегодно собираться в этих стенах для решения вопросов, касающихся будущего рода».

В первые секунды никто не произнес ни слова.

Смысл услышанного оказался слишком неожиданным.

Замок не доставался никому.

Не было ни единственного наследника, ни нового владельца.

Все присутствующие понимали, что подобное решение исключает будущие споры, но одновременно лишает каждого возможности считать себя полноправным хозяином древнего поместья.

Барон медленно поднялся.

— Господин Бержье... — произнес он после долгой паузы. — Правильно ли я понял, что госпожа маркиза не назначила наследника замка?

Нотариус встретил его взгляд без тени смущения.

— Именно так.

— Но это беспрецедентное решение.

— Возможно.

— Тогда... кто же становится главным наследником?

Бержье молча опустил взгляд на последний раздел документа.

В зале воцарилась такая тишина, что было слышно, как за окнами ветер шевелит ветви старых каштанов.

Нотариус произнес:

— Ответ содержится в заключительной части завещания.

Именно эти слова стали началом события, которое спустя многие годы еще не раз будут вспоминать все, кому довелось присутствовать в тот осенний день в старом замке де Вальмон.

Слова нотариуса произвели на собравшихся впечатление столь сильное, что в течение нескольких мгновений никто не нарушал молчания. Каждый пытался осмыслить услышанное по-своему. Одни воспринимали решение Луизы де Вальмон как проявление необычной предусмотрительности, другие — как досадную ошибку, лишившую семью возможности сосредоточить управление поместьем в одних руках. Однако никто не мог отрицать, что подобное завещание исключало возможность перехода древнего замка в единоличное владение одного из наследников.

Первым опомнился виконт Морье. Он поднялся с кресла и, пройдясь вдоль стола, остановился напротив нотариуса.

— Позвольте задать еще один вопрос, господин Бержье. Если замок не переходит в собственность конкретного наследника, кто будет принимать решения относительно его содержания? Дом такого размера невозможно сохранить одними благими пожеланиями.

Нотариус кивнул, словно ожидал именно этого вопроса.

— Госпожа маркиза предусмотрела и это. Семейный совет обязан ежегодно собираться в замке и принимать решения большинством голосов. Управление хозяйством поручается управляющему, которого совет утверждает сроком на пять лет. Ни один представитель рода не вправе распоряжаться замком единолично.

Барон де Ларош недовольно покачал головой.

— Простите мою откровенность, но подобный порядок неизбежно приведет к бесконечным спорам. Когда ответственность принадлежит всем, очень скоро оказывается, что она не принадлежит никому.

— Не думаю, что госпожа маркиза разделяла подобное мнение, — ответил Бержье.

— Возможно. Однако жизнь редко подтверждает столь благородные надежды.

Разговор грозил перерасти в спор, но вмешалась графиня де Сен-Реми.

— Господа, мне кажется, мы забываем, что обсуждаем волю женщины, которая более тридцати лет управляла этим поместьем и знала каждого из нас значительно лучше, чем мы сами знаем друг друга. Если она приняла именно такое решение, значит, у нее были на то основания.

Барон учтиво поклонился пожилой родственнице.

— Я несколько не сомневаюсь в мудрости госпожи Луизы, мадам. Меня лишь удивляет, что она решила изменить порядок, которого придерживались поколения наших предков.

— Возможно, она как раз не хотела повторения их ошибок, — произнес аббат Огюстен.

Все взгляды обратились к настоятелю.

Он редко вмешивался в разговоры подобного рода, и потому его слова всегда звучали особенно весомо.

— Ошибок? — переспросил виконт.

— Разве история любой старой семьи не состоит из постоянной борьбы между долгом и честолюбием? — ответил аббат. — Иногда человеку кажется, что он защищает интересы рода, тогда как на самом деле защищает лишь собственные желания.

Барон слегка улыбнулся.

— Вы говорите как священник, святой отец.

— А вы — как землевладелец, господин барон. Думаю, каждому из нас естественно смотреть на мир со своей стороны.

В голосе настоятеля не было ни малейшей насмешки, и потому ответить на эту реплику было невозможно. Барон лишь слегка развел руками, показывая, что не намерен продолжать спор.

Тем временем господин Бержье вновь обратился к документу.

— Господа, позвольте закончить чтение. Осталась заключительная часть завещания.

Эти слова вновь заставили всех насторожиться.

Если замок никому не доставался, то должен был существовать человек, которому маркиза доверила исполнение своей последней личной воли. Большинство присутствующих уже начинало догадываться, что именно этот раздел и станет главным в сегодняшнем собрании.

Нотариус неторопливо расправил последний лист пергамента.

Элеонора заметила, что даже его невозмутимое лицо стало немного серьезнее. Казалось, он вновь переживал тот день, когда Луиза собственноручно подписала эти строки.

— «Последнее мое распоряжение касается не имущества, а наследия нашей семьи...»

В комнате стало так тихо, что за высокими окнами отчетливо послышался крик поздних журавлей, пролетающих над долиной.

— «Я прожила долгую жизнь и убедилась, что истинная ценность рода определяется не величиной его земель и не богатством его сокровищниц. Все это может быть приобретено, утрачено или возвращено вновь. Гораздо труднее сохранить память, честь и данное однажды слово. Именно они составляют настоящее наследие семьи де Вальмон».

Никто не шелохнулся.

Элеоноре показалось, что она вновь слышит голос бабушки. Эти слова были настолько похожи на нее, что документ словно перестал быть официальной бумагой и превратился в последнее обращение к людям, которых Луиза знала всю свою жизнь.

Нотариус продолжил:

— «Поэтому я не назначаю главой рода того, кто владеет наибольшим состоянием. Я доверяю продолжение нашего наследия тому, кто сумеет понять его смысл».

Барон вопросительно посмотрел на виконта.

Виконт ответил ему таким же недоумевающим взглядом.

Никто пока не понимал, к чему ведут эти слова.

Господин Бержье перевел дыхание и прочитал следующую строку:

— «Моей внучке Элеоноре де Вальмон...»

Все присутствующие почти одновременно повернули головы в сторону молодой маркизы. Она почувствовала на себе десятки взглядов и невольно выпрямилась.

— «...я не оставляю ни земель, ни денежных капиталов, ни драгоценностей...»

По залу пробежал едва слышный шепот.

Барон нахмурился.

Виконт удивленно поднял брови.

Даже графиня де Сен-Реми посмотрела на Элеонору с искренним сочувствием.

Нотариус не изменил интонации.

— «...поскольку считаю, что все перечисленное не является главным наследством нашего рода».

Барон уже не скрывал своего недоумения.

— Господин Бержье... — произнес он.

Нотариус поднял руку, прося не перебивать.

— Позвольте закончить.

Он вновь опустил взгляд на документ.

— «Элеоноре де Вальмон я передаю старинный дубовый ларец, который хранится в моих покоях. Ларец должен быть передан ей сразу после оглашения настоящего завещания. Никто не вправе требовать открыть его в присутствии других лиц или интересоваться его содержимым. Это мое последнее желание».

Последние слова прозвучали неожиданно просто.

Наступила долгая тишина.

Несколько секунд никто не мог поверить, что именно этим заканчивается завещание.

Барон первым нарушил молчание.

— Простите... но это и есть все?

— Все, господин барон, — ответил нотариус.

— Единственная внучка госпожи маркизы получает... старый ларец?

— Именно так записано в документе.

Виконт Морье коротко рассмеялся, однако в этом смехе не было веселья.

— Должен признаться, такого завещания мне еще не доводилось слышать.

— Мне тоже, — неожиданно согласился нотариус.

Эта реплика заставила присутствующих удивленно посмотреть на него.

Бержье редко позволял себе выражать личное мнение, однако сейчас он словно счел необходимым объяснить собственное отношение к происходящему.

— За сорок с лишним лет службы мне пришлось составить множество наследственных актов, — сказал он. — Почти все они были похожи друг на друга. Люди делили земли, дома, деньги, коллекции, иногда спорили из-за серебряного сервиза или нескольких гектаров леса. Но госпожа Луиза с самого начала предупредила меня, что ее завещание должно стать не распределением имущества, а завершением дела всей ее жизни. Признаюсь, тогда я не вполне понял, что она имела в виду.

Он ненадолго замолчал.

— Теперь мне кажется, что начинаю понимать.

Элеонора внимательно посмотрела на старого нотариуса.

Ей показалось, что в этих словах прозвучало нечто большее, чем обычное уважение к памяти покойной.

Она перевела взгляд на аббата Огюстена.

Настоятель по-прежнему сидел неподвижно, словно именно такого окончания завещания и ожидал.

Именно в этот момент Элеонора впервые почувствовала, что старый дубовый ларец, ожидавший ее в покоях бабушки, может оказаться не просто семейной реликвией. Что бы ни находилось под его тяжелой крышкой, это было настолько важно для Луизы де Вальмон, что она предпочла доверить его внучке вместо всего богатства, накопленного несколькими поколениями предков.

И эта мысль тревожила ее гораздо сильнее, чем все разговоры о наследстве, которые она слышала в течение последних часов.

Родственники еще не успели подняться со своих мест, а в зале уже зазвучали приглушенные голоса. Внешняя сдержанность быстро уступала место недоумению и плохо скрываемому раздражению. Одни пытались понять логику покойной маркизы, другие искали в только что услышанном скрытый смысл, третьи были убеждены, что настоящее содержание завещания еще не раскрыто.

Барон де Ларош подошел к высокому окну, из которого открывался вид на осенний парк. Некоторое время он молча смотрел на аллею, по которой ветер гнал опавшие листья, затем повернулся к виконту Морье.

— Не припомню случая, чтобы наследство столь старинного рода завершалось подобным образом, — сказал он. — Если бы я не присутствовал при чтении документа лично, то счел бы этот рассказ чьей-то неудачной выдумкой.

Виконт пожал плечами.

— Меня удивляет вовсе не это. Луиза всегда отличалась независимым характером и вполне могла оставить деньги больницам или монастырям. Но поверить в то, что единственной внучке она завещала лишь старый ларец, я не могу.

Барон едва заметно усмехнулся.

— Значит, вы думаете так же, как и я.

— А вы полагаете иначе?

— Я полагаю, что старая маркиза никогда ничего не делала без причины. Если она предпochла ларец всем своим драгоценностям, значит, ценность его содержимого намного превосходит стоимость золота.

— Или она сумела убедить в этом нотариуса и настоятеля.

Барон бросил короткий взгляд в сторону господина Бержье и аббата Огюстена.

— Посмотрите на них. Они ведут себя так, словно знали о завещании заранее.

— Возможно, знали.

— Нет. Они знают нечто большее.

Виконт задумчиво провел рукой по подбородку.

— Если вы правы, мы очень скоро это выясним.

— Надеюсь, — ответил барон. — Потому что я не люблю загадок, когда они касаются моей семьи.

Тем временем Элеонора поднялась со своего места. За все время чтения завещания она не произнесла почти ни слова. Все происходящее казалось ей странным и нереальным. Она не испытывала разочарования из-за того, что не получила богатства, но ощущала растущее беспокойство. Последняя воля бабушки была слишком необычной, чтобы объяснить ее одной лишь прихотью.

Когда большинство родственников уже обсуждало услышанное, к ней подошел аббат Огюстен.

— Мадемуазель де Вальмон, — произнес он вполголоса, — если сегодняшний день не отнял у вас последних сил, прошу следовать за мной. Нам предстоит исполнить последнюю часть воли вашей бабушки.

Элеонора вопросительно посмотрела на него.

— Она касается ларца?

Настоятель слегка склонил голову.

— Именно.

— Его должны открыть сегодня?

Аббат выдержал короткую паузу.

— Сегодня он будет передан вам. Все остальное зависит от того, готовы ли вы услышать то, что ваша бабушка хотела рассказать вам спустя столько лет.

Ответ прозвучал так ровно, что Элеонора не сразу уловила его смысл. Однако по выражению лица настоятеля она поняла: речь идет вовсе не о семейной реликвии и не о забытых драгоценностях.

Она молча кивнула.

Вместе с аббатом и нотариусом они направились к выходу из зала.

Барон де Ларош проводил их долгим взглядом.

Лишь когда дверь за ними закрылась, он негромко произнес:
— Нет, господа... настоящее завещание только начинается.

Глава 2. Письмо Изабель

Покинув приемную залу, Элеонора впервые за весь день почувствовала, что может свободно вздохнуть. За тяжелыми дверями остались приглушенные голоса родственников, их недоуменные вопросы, сдержанные замечания и попытки разгадать смысл необычного завещания маркизы де Вальмон. Ей казалось, что вместе с этим шумом позади осталась и прежняя жизнь, в которой все происходившее можно было объяснить здравым смыслом. Теперь же каждый новый шаг словно уводил ее все дальше в неизвестность, где последние распоряжения бабушки начинали приобретать значение, далеко выходящее за рамки обычного наследственного дела.

Впереди размеренной походкой шел господин Бержье, прижимая к боку кожаную папку с нотариальными документами. Рядом с ним неторопливо двигался аббат Огюстен, и лишь Элеонора, следовавшая немного позади, время от времени задерживала взгляд на знакомых с детства портретах, висевших вдоль длинной галереи. Осеннее солнце уже клонилось к закату, и его мягкий золотистый свет проникал сквозь высокие окна, ложась на дубовые панели, старинные рамы и потемневшие от времени гобелены. Казалось, сам замок постепенно погружался в вечернее молчание, будто и он скорбел о своей последней хозяйке.

Некоторое время никто не произносил ни слова. Это молчание не тяготило Элеонору — напротив, оно позволяло привести мысли в порядок. Однако вопросы, накопившиеся за время оглашения завещания, становились все настойчивее, и наконец она обратилась к нотариусу.

— Господин Бержье, позвольте спросить вас откровенно. Когда вы составляли завещание вместе с бабушкой, неужели вас не удивило ее решение оставить мне лишь этот старый ларец?

Старик замедлил шаг и, повернувшись к ней, ответил не сразу. Было видно, что он тщательно подбирает слова, словно и теперь чувствовал себя связанным данным когда-то обещанием.

— Удивило, госпожа маркиза, — произнес он наконец. — Более того, я считал своим долгом предупредить госпожу Луизу, что подобное распоряжение неизбежно вызовет недоумение среди родственников. За долгие годы службы мне приходилось составлять множество завещаний, но ни одно из них не было столь необычным.

— И что она ответила?

На лице нотариуса появилась чуть заметная улыбка — не веселая, а скорее исполненная уважения к памяти женщины, с которой его связывали долгие годы знакомства.

— Она сказала, что богатство может сделать человека состоятельным, земля — влиятельным, а титул — почитаемым, но все это не имеет значения, если однажды исчезнет память о том, ради чего существовал сам род. Затем она посмотрела на меня и добавила слова, смысл которых я по-настоящему начинаю понимать лишь сегодня: «Если я передам Элеоноре деньги, она станет богатой женщиной. Если передам ей замок — станет его хозяйкой. Но если передам то, что должна передать, она станет хранительницей нашего имени».

Элеонора невольно перевела взгляд на аббата.

— Вам тоже были известны эти слова?

— Да, — ровно ответил Огюстен. — В тот день госпожа Луиза попросила меня присутствовать при подписании завещания. Она хотела, чтобы рядом находился человек, который после ее смерти сумеет исполнить последнюю часть ее воли именно так, как она была задумана.

— Значит, вы оба знали гораздо больше, чем сказали сегодня.

Настоятель слегка улыбнулся.

— Мы знали лишь столько, сколько нам позволила знать сама маркиза. Остальное, как она говорила, должно было открыться только вам и только в тот момент, когда вы будете готовы это принять.

Разговор оборвался сам собой, поскольку они подошли к двери, ведущей в личные покои Луизы де Вальмон. В этом крыле замка царила почти монастырская тишина. Здесь редко бывали гости, а после смерти хозяйки слуги входили лишь для того, чтобы поддерживать порядок. Казалось, время остановилось в этих комнатах именно в тот день, когда погасла жизнь женщины, многие десятилетия остававшейся душой старинного дома.

Аббат бережно распахнул дверь, пропуская Элеонору вперед. Она переступила порог и сразу почувствовала знакомый аромат воска, старых книг и сухих трав, который неизменно сопровождал бабушку. Все здесь оставалось на своих местах: кресло возле окна, раскрытый молитвенник, серебряный подсвечник на письменном столе, небольшие песочные часы и аккуратно сложенные письма. Лишь отсутствие хозяйки делало эту комнату необыкновенно пустой.

Посреди письменного стола стоял дубовый ларец.

Он был меньше, чем представляла себе Элеонора, однако производил впечатление вещи необыкновенно древней. Потемневшее дерево покрывала тонкая резьба, местами почти стертая временем, а серебряные накладки сохраняли следы искусной работы мастера, жившего, вероятно, несколько столетий назад. В центре крышки виднелась восковая печать с гербом де Вальмон, оставленная, по всей видимости, самой Луизой незадолго до смерти.

Господин Бержье подошел к столу и, соблюдая всю торжественность нотариального обряда, достал последний документ.

— Госпожа Элеонора, настоящим я подтверждаю исполнение последнего распоряжения маркизы Луизы де Вальмон и официально передаю вам этот ларец, принадлежавший ей на законном основании.

После того как необходимые формальности были завершены и Элеонора поставила подпись, нотариус неторопливо подвинул ларец к ней. Молодая женщина провела рукой по шероховатой крышке, словно пытаясь почувствовать тепло рук бабушки, касавшихся этого дерева еще совсем недавно. Затем она тихо приподняла крышку, однако та даже не шелохнулась. Лишь теперь Элеонора заметила массивный бронзовый замок, скрытый под узорной накладкой.

Она с удивлением посмотрела сначала на нотариуса, затем на настоятеля.

— Значит, он заперт?

— Да, — ровно ответил господин Бержье. — И, насколько мне известно, таким он оставался все те годы, что ларец находился у госпожи маркизы.

— Но где же ключ?

Нотариус тихо покачал головой.

— Мне он никогда не передавался. Согласно завещанию, моей обязанностью было лишь вручить вам сам ларец. На этом мои полномочия заканчиваются.

Он с достоинством поклонился, пожелал Элеоноре душевных сил пережить потерю бабушки и, попрощавшись с аббатом, покинул комнату.

Когда за ним бесшумно закрылась дверь, в спальне снова воцарилась тишина. Несколько мгновений Элеонора молча смотрела на старинный ларец, затем вопросительно повернулась к Огюстену, словно заранее зная, что именно теперь начнется та часть истории, о которой не было сказано ни слова во время чтения завещания.

Ларец стоял перед ней на письменном столе Луизы де Вальмон. Он оказался тяжелее, чем можно было предположить по его размерам. Дуб, потемневший за долгие столетия, сохранил благородный матовый блеск, который дерево приобретает лишь от бесчисленных прикосновений человеческих рук. На крышке почти не осталось украшений. Лишь по краям можно было различить тонкую резьбу в виде переплетающихся виноградных лоз, настолько стертую временем, что ее узор угадывался скорее на ощупь, чем взглядом.

Элеонора легко провела пальцами по крышке.

— Значит, именно его бабушка берегла всю жизнь?

Аббат подошел ближе, но не притронулся к ларцу.

— Нет, госпожа, — тихо ответил он. — Она берегла не сам ларец. Она берегла то, что находилось внутри. Сам по себе это лишь кусок старого дерева.

Он сделал короткую паузу, словно подбирая слова.

— Луиза часто повторяла одну мысль. Она говорила, что самые ценные вещи почти никогда не выглядят ценными. Если бы человек захотел спрятать золото, он заказал бы великолепный сундук с бронзовыми замками. Если же ему нужно сохранить память, он выберет самый простой ларец, чтобы никто не догадался заглянуть внутрь.

Элеонора пристально посмотрела на старое дерево. Теперь она заметила множество мелких царапин, потертостей, крошечные следы от ударов, полученных за долгую жизнь этой вещи. Перед ней был не музейный предмет, а свидетель нескольких человеческих поколений.

— Вы знаете, сколько ему лет?

— Почти столько же, сколько нашей семейной истории, — ровно ответил настоятель. — Во всяком случае, так считала ваша бабушка.

Элеонора подняла взгляд.

— Вы сказали — нашей?

Аббат слегка улыбнулся.

— Простите. Я прожил рядом с Луизой почти сорок лет. Иногда забываю, что говорю уже не от ее имени.

Несколько мгновений оба молчали. За окном прошумел ветер. Где-то в глубине парка зашкрипели старые липы, и этот знакомый с детства звук неожиданно показался Элеоноре частью разговора, который велся без слов.

Она вновь посмотрела на ларец.

— Здесь нет замочной скважины.

— Есть.

— Я ее не вижу.

— Именно этого и добивался мастер.

Аббат указал на бронзовую накладку в центре крышки.

Элеонора наклонилась ближе. Лишь теперь она заметила тончайшую линию, едва различимую среди древесных волокон. Когда она нажала на бронзовую пластину, та чуть слышно сдвинулась в сторону, открывая небольшую скважину.

— Удивительно...

— Семейные мастера де Вальмон славились подобной работой еще в XV столетии. Луиза рассказывала, что этот замок несколько раз пытались открыть силой. Никому не удалось.

Элеонора подняла глаза.

— Значит, ключ существует?

— Разумеется.

Она вопросительно посмотрела на настоятеля.

Тот достал из внутреннего кармана сутаны небольшой полотняный мешочек и положил его рядом с ларцом.

— Перед смертью маркиза велела передать это только после того, как нотариус исполнит ее последнюю волю.

Элеонора развязала тесемку.

На ладонь выпал маленький железный ключ. Время сделало металл почти черным, но борodka ключа была отполирована до блеска, словно им пользовались совсем недавно.

— Она оставила его вам?

— Нет. Она лишь попросила сохранить его до сегодняшнего дня.

Настоятель задумчиво посмотрел на ключ.

— Знаете, что сказала мне Луиза за неделю до смерти?

Элеонора отрицательно покачала головой.

— Она сказала: «Когда Элеонора откроет ларец, не торопите ее. Пусть сначала поймет, что получает не наследство, а обязанность».

Слова прозвучали просто, но смысл их дошел до Элеоноры не сразу.

— Обязанность...

— Именно так.

Аббат подошел к окну.

— Большинство людей думают, что наследство — это то, что можно получить. Луиза была убеждена, что настоящее наследство — это всегда то, что однажды приходится нести дальше.

Элеонора долго молчала.

Она вдруг ясно почувствовала, что стоящий перед ней старый дубовый ларец действительно не имеет никакого отношения к богатству. Все происходившее в этот день — чтение завещания, странное спокойствие Луизы, последние слова настоятеля — постепенно складывалось в единую картину. Маркиза словно заранее знала, что однажды наступит момент, когда ее внучке придется не просто узнать историю семьи, а стать ее продолжением.

Она взяла ключ.

Металл оказался холодным.

Несколько секунд Элеонора держала его между пальцами, не решаясь вставить в замок. Ей казалось, что стоит повернуть этот маленький, потемневший от времени ключ — и дверь в прошлое, столько лет остававшаяся закрытой, распахнется уже навсегда.

Она взглянула на аббата.

— Я готова.

Настоятель молча кивнул.

Элеонора вставила ключ в почти невидимую скважину.

В старом механизме что-то тихо щелкнуло. Звук был едва слышен, но в тишине комнаты он прозвучал так отчетливо, словно завершал ожидание, длившееся не один день и даже не одну человеческую жизнь. Крышка ларца слегка приподнялась, открывая прошлое, которое более четырех столетий терпеливо ожидало своего часа.

Крышка поднялась не сразу. Старые петли, прекрасно сохранившиеся за прошедшие столетия, лишь тихо вздохнули, словно и они долго ожидали этого мгновения. Из глубины ларца повеяло слабым запахом старого дерева, воска и высохших трав. Этот аромат нельзя было назвать затхлым; напротив, он напоминал запах древней библиотеки, где время не разрушает вещи, а только покрывает их благородной патиной.

Элеонора невольно задержала руку. Ей показалось почти кощунством сразу прикасаться к содержимому. Перед ней лежали предметы, которые кто-то складывал сюда с мыслью о людях, еще не родившихся на свет. Между рукой человека, закрывшего этот ларец, и ее собственной пролегло более четырех веков, и сознание этого заставило ее ощутить странное смирение перед неумолимым течением времени.

Внутри все было уложено с той безупречной аккуратностью, какая свойственна людям, заранее знающим, что их вещи однажды будут рассматривать потомки. Никакого беспорядка, никаких случайных мелочей. Каждый предмет занимал свое место, словно являлся частью единого замысла.

Сверху лежал сложенный в несколько раз лист плотного пергамента, перевязанный узкой голубой шелковой лентой. Цвет ее давно поблек, превратившись из небесного в почти серебристый, однако ткань сохранила удивительную прочность. Под письмом покоилась небольшая серебряная печать. Элеонора взяла ее в руки и почувствовала неожиданную тяжесть холодного металла.

На лицевой стороне был выгравирован незнакомый герб.

Щит пересекала диагональная полоса, над которой возвышалась небольшая башня с тремя зубцами. Над шлемом расправил крылья сокол, а вокруг щита тянулась лента с латинским девизом, отдельные буквы которого уже почти стерлись.

— Я никогда не видела этого герба, — проговорила она.

Аббат приблизился.

— И не могли видеть. Этот герб исчез задолго до рождения вашего прадеда.

— Чей он?

Настоятель пристально посмотрел на печать, словно видел перед собой старого знакомого.

— Ответ лежит в письме.

Он произнес это так ровно, что Элеонора даже улыбнулась.

— Вы сегодня отвечаете на все мои вопросы одинаково.

— Потому что так просила маркиза Луиза. Она сказала: «Не рассказывай ей того, что может рассказать Изабель».

Имя прозвучало впервые.

Элеонора нахмурилась.

— Изабель?

— Да.

— Кто она?

Аббат на мгновение опустил глаза.

— Женщина, которой вы обязаны гораздо большим, чем можете себе представить.

Больше он ничего не добавил.

Элеонора поняла, что продолжать расспросы бесполезно.

Она положила печать обратно в ларец и достала следующий сверток. Это оказался длинный лист пергамента, свернутый в трубку и перевязанный тонкой льняной нитью. Когда она развернула его, перед ней открылась тщательно выполненная родословная.

Несколько поколений были ей знакомы. Она без труда нашла имя Луизы, затем своего отца, деда, прадеда... Ниже шли имена, известные лишь по семейным преданиям. Даты рождения и смерти, браки, дети — все было выведено удивительно ровным почерком, словно человек, составлявший этот документ, понимал, что создает не просто перечень родственников, а историю целого рода.

Однако взгляд Элеоноры почти сразу остановился на самом основании родословного дерева.

Там, где начинался весь род.

Она наклонилась ближе.

Самыми первыми значились два имени.

Гийом де Монтерран.

И рядом —

Изабель де Вальмон.

Несколько секунд она смотрела на эти строки не отрываясь.

Имя Монтерран ничего ей не говорило.

Но имя де Вальмон...

— Это невозможно...

Она подняла голову.

— Почему история семьи начинается с женщины? Разве родословные не ведут по мужской линии?

Аббат впервые за весь вечер позволил себе легкую улыбку.

— Именно этот вопрос задал однажды и ваш дед.

— И что ответила бабушка?

— Она сказала, что бывают времена, когда именно женщина сохраняет род, его память и его честь. Если бы не Изабель, сегодня не существовало бы ни этого замка, ни самого имени де Вальмон.

Элеонора вновь посмотрела на родословную.

Теперь она заметила небольшую приписку, сделанную совсем другим почерком.

«Отсюда начинается наше настоящее наследие».

Чернила были значительно темнее остальных.

— Это рука бабушки?

— Да.

Наступило долгое молчание.

Элеонора аккуратно свернула родословную и вновь положила ее в ларец. Теперь внутри оставался только один предмет — сложенное письмо, перевязанное выцветшей голубой лентой. По сравнению с серебряной печатью и древней родословной оно выглядело удивительно скромно. Но именно к нему все время возвращался взгляд аббата, и именно его Луиза поставила в центр своего последнего завещания.

Настоятель подошел к столу.

— Все, что вы увидели до сих пор, — лишь доказательства, — произнес он тихо. — Но доказательства сами по себе ничего не объясняют. Родословная говорит, кто были ваши предки. Печать свидетельствует об их праве. Однако только это письмо может рассказать, почему они всю жизнь хранили молчание.

Он коснулся кончиками пальцев старой шелковой ленты, но не стал ее развязывать.

— Когда маркиза передавала мне ключ от ларца, она сказала одну очень странную вещь. «Возможно, — сказала она, — Элеонора не поверит ни одному моему слову. Но она обязательно поверит Изабель. Потому что невозможно придумать такую правду, которую пришлось пережить этой женщине».

Элеонора почувствовала, как волнение, еще недавно бывшее лишь смутным любопытством, постепенно превращается в ожидание чего-то неизмеримо большего. Перед ней лежало письмо человека, имя которого только что оказалось в самом начале родословной. Женщины, благодаря которой существовал их род. Женщины, о которой она никогда прежде ничего не слышала.

Она взяла письмо обеими руками.

Старинный пергамент оказался неожиданно теплым, словно долгие годы, проведенные в дубовом ларце, сохранили в нем не только сухость бумаги, но и едва уловимое человеческое тепло.

— Можно? — спросила она.

Аббат сделал шаг назад, оставляя ее наедине с прошлым.

— Теперь, госпожа Элеонора, — ответил он почти шепотом, — настало время познакомиться с женщиной, которая более четырехсот лет ждала этой встречи.

Элеонора опустилась в кресло, стоявшее у письменного стола. Это было любимое кресло Луизы де Вальмон — глубокое, с высокой спинкой, обитое потемневшей зеленой кожей, на которой время оставило тонкую сеть морщинок. Сколько вечеров маркиза провела здесь, разбирая старые бумаги, читая хроники или подолгу всматриваясь в пламя свечи, пытаясь вновь услышать голоса тех, кого давно не было среди живых? Теперь на ее месте сидела внучка, и это невольное сходство вдруг заставило Элеонору почувствовать, что между ней и бабушкой существует нечто большее, чем родственная память.

Она положила письмо на стол и несколько мгновений просто смотрела на выцветшую шелковую ленту. Узел был завязан так аккуратно, что казалось, его затянули совсем недавно. Женщина, перевязавшая этим шнурком сложенные листы, не могла знать ни имени своей будущей читательницы, ни века, в котором ей предстоит жить. И все же она была совершенно уве-

рена, что однажды письмо будет раскрыто. Эта спокойная уверенность ощущалась даже в том, как были сложены страницы, как ровно совпадали их края, как тщательно была затянута лента, будто автор завершал не просто письмо, а исполнение последнего долга.

Элеонора развязала узел. Шелк легко скользнул между пальцами, и лента бесшумно легла рядом с ларцом. Она развернула первый лист. Пергамент оказался плотным и удивительно хорошо сохранившимся. Лишь по краям он приобрел теплый янтарный оттенок, а в местах сгибов проступили тонкие следы времени. Чернила почти не выцвели. Почерк был крупным, ровным и необыкновенно спокойным — почерком человека, не знавшего ни поспешности, ни сомнений в том, что именно следует сказать.

В верхней части страницы не было ни герба, ни даты, ни пышного обращения. Лишь одна короткая строка, написанная чуть более крупными буквами.

Тому, кто однажды станет хранителем нашего имени.

Элеонора невольно повторила эти слова про себя. Не наследником. Не владельцем замка. Не главой рода.

Хранителем.

Она провела пальцами по полям письма и только теперь заметила, что края пергамента чуть потемнели там, где к ним когда-то прикасались человеческие руки. Эти следы были такими же настоящими, как отпечатки времени на дубовой крышке ларца. Неожиданно ей пришла мысль, что последней, кто держал эти листы до нее, была Луиза. Возможно, именно здесь, за этим самым столом, она в последний раз перечитывала письмо, прежде чем вновь убрать его в ларец.

Элеонора подняла глаза на аббата.

— Бабушка читала его перед смертью?

Огюстен не сразу ответил. Он стоял у окна, скрестив руки на груди, и задумчиво смотрел в сгущавшиеся сумерки, окутывавшие парк.

— Да, — наконец произнес он. — За несколько дней до кончины она попросила принести ей ларец. Я оставил ее одну почти на час. Когда вернулся, письмо уже лежало на прежнем месте, а сама маркиза долго молчала. Потом сказала лишь одну фразу, которую я запомнил дословно.

Он перевел взгляд на Элеонору.

— «Теперь я спокойна. Она поймет».

— Она сказала... «она»?

— Да.

— Значит, она знала, что письмо прочту именно я?

Настоятель чуть улыбнулся.

— Думаю, она не сомневалась в этом.

Элеонора ничего не ответила. Она вновь посмотрела на первый лист, и ей вдруг показалось, что время перестало существовать. Комната, старинная мебель, потрескивание свечей, шелест ветра за окнами — все словно отступило куда-то далеко, уступая место тихому голосу женщины, написавшей эти строки несколько столетий назад.

Она начала читать.

«Если Господь сохранил это письмо до твоих дней, значит, вместе с ним сохранил и память о нашем доме. Память человеческая непрочна. Она меняется вместе с поколениями, уступает место красивым легендам, забывает лица и путает события. Поэтому я решила доверить пергаменту то, что не должна изменить ни одна человеческая молва».

Элеонора читала почти шепотом, словно опасалась нарушить звучание этих слов. В них не было ни жалобы на судьбу, ни стремления оправдаться перед потомками. Автор словно рассказывал о давно пережитом с той ясностью, которая приходит лишь тогда, когда человек успел примириться с собственной жизнью.

«Ты, вероятно, знаешь меня лишь по имени. Возможно, тебе рассказывали обо мне как о женщине, положившей начало нашему роду. Если так, забудь все, что слышал прежде. Родословные говорят лишь о рождении и смерти. Они ничего не знают о любви, страхе, верности и выборе, которые определяют человеческую судьбу».

Элеонора остановилась. Эти слова прозвучали неожиданно близко, словно были обращены лично к ней. Она невольно перевела взгляд на лежащую рядом родословную. Действительно, длинный свиток хранил лишь даты, имена и линии родства. Ни одна из них не могла рассказать, почему один человек решил пожертвовать собой ради другого, почему кто-то предпочел изгнание богатству или почему некоторые тайны переживают целые государства.

Она вновь склонилась над письмом.

«Меня зовут Изабель де Вальмон. Возможно, это имя осталось лишь одной из строк старой родословной, но когда-то за ним стояла жизнь молодой женщины, которая, как и многие другие, не знала, что судьба уже приготовила ей встречу, способную изменить все. Моя настоящая история началась в тот вечер, когда на одном из придворных балов я впервые увидела рыцаря Ордена Храма...».

Элеонора закрыла глаза.

Имя наконец прозвучало.

Не как легенда, не как запись в старой родословной, а как живой голос женщины, обращавшейся к ней через четыре столетия. И с первых же строк становилось ясно, что история, которую ей предстояло узнать, началась задолго до того, как дом де Вальмон появился на картах Франции, — в годы, когда само существование Ордена Храма уже приближалось к своему трагическому концу.

Элеонора невольно опустила письмо. Она почувствовала, как волнение, сопровождавшее ее с самого открытия ларца, постепенно уступает место другому ощущению — тому особому вниманию, с которым человек начинает слушать рассказ очевидца великих событий. До этой минуты история тамплиеров существовала для нее лишь в виде обрывков семейных преданий, случайных упоминаний в старых книгах и нескольких фраз, которые бабушка иногда произносила так, будто продолжала давно начатый разговор с кем-то невидимым. Теперь же прошлое впервые заговорило собственным голосом.

Аббат не нарушал молчания. Он видел, что письмо уже исполнило свою первую задачу: между Элеонорой и женщиной, жившей более четырех веков назад, исчезла привычная дистанция времени. Перед ней больше не была безымянная прародительница, изображенная на выцветшей родословной. Она становилась живым человеком — с собственной памятью, собственной болью и собственной правдой.

Элеонора снова развернула письмо.

«Я родилась в те годы, когда Франция еще казалась спокойной и могущественной. Королевские знамена развевались над крепостями, дороги были наполнены купцами и паломниками, а люди верили, что порядок, установленный их отцами, сохранится и для детей. Мы редко задумывались о том, как непрочен привычный мир. Лишь много позднее я поняла: самые большие бедствия приходят не тогда, когда их ожидают, а тогда, когда кажется, будто для них вовсе нет причин».

Мой отец служил короне честно и преданно. Дом наш пользовался уважением соседей, а мать с раннего детства внушала мне, что истинное достоинство человека определяется не богатством, а верностью своему слову. Тогда мне казалось, что все семьи живут одинаково, что все отцы одинаково заботятся о своих детях и что всякая несправедливость непременно будет исправлена королевским судом. Молодость охотно верит в справедливость мира, пока жизнь не научит ее иной мудрости».

Элеонора читала, словно боялась потерять хотя бы одно слово. Изабель не торопилась перейти к главным событиям своей жизни. Она рассказывала о них так, как рассказывает чело-

век, хорошо понимающий: невозможно объяснить выбор, если сначала не показать тот мир, в котором этот выбор пришлось сделать.

«В юности Орден Храма казался мне такой же привычной частью окружающего мира, как старые монастыри, королевские крепости и соборы. Тамплиеры существовали всегда. По крайней мере, так казалось тем, кто вырос уже после великих крестовых походов. Они были частью мира, подобно кафедральным соборам, королевским дворцам или древним мостам через Сену. Никому не приходило в голову, что однажды их могут объявить преступниками».

Элеонора невольно посмотрела на аббата.

— Она пишет так, будто знала, что случится потом...

— Потому что пишет уже после этих событий, — ровно ответил Огюстен. — Она вспоминает прожитую жизнь, а не ведет дневник.

Элеонора кивнула и снова углубилась в чтение.

«Впервые я увидела его на одном из придворных балов. В те годы подобные вечера казались мне почти отдельным миром, где под светом множества свечей звучала музыка, шлептели дорогие ткани, а разговоры о королевском дворе, войнах и дальних землях легко сменялись смехом и танцами. Среди многочисленных гостей находились и несколько рыцарей Ордена Храма, присутствие которых тогда никому не казалось необычным.

Один из них сразу привлек мое внимание, хотя, насколько я помню, почти ничего не делал для того, чтобы его заметили. Он не стремился оказаться в центре разговора, редко улыбался и гораздо чаще слушал, чем говорил. Среди придворных, привыкших демонстрировать свое положение одеждой, громкостью голоса и близостью к влиятельным людям, его сдержанность казалась почти странной.

Я не стану утверждать, будто в тот вечер полюбила его. Это было бы неправдой. Любовь редко приходит в одно мгновение, хотя память спустя годы любит превращать первую встречу в предзнаменование всего, что случилось позднее. Тогда я лишь заметила незнакомого рыцаря и почему-то запомнила его лицо, его спокойный взгляд и ту внутреннюю собранность, которая отличала его от окружавших нас людей.

Мы почти не говорили друг с другом, и, когда бал закончился, я была уверена, что эта случайная встреча не оставит в моей жизни никакого следа. Судьба распорядилась иначе.

Лишь позднее я узнала его имя...».

На этом строка обрывалась.

Элеонора быстро перевернула лист, не скрывая волнения.

Следующая страница начиналась всего с нескольких слов.

«Его звали Гийом де Монтерран...».

Глава 3. Родословная

Ночь окончательно опустилась на замок де Вальмон. За высокими окнами старого кабинета сгущалась темнота, в которой постепенно растворялись очертания парка, а редкие огни фонарей лишь ненадолго выхватывали из мрака мокрые стволы липовой аллеи. Ветер, усилившийся к вечеру, то и дело касался оконных стекол, заставляя их едва слышно дрожать в свинцовых переплетах. Где-то в глубине дома пробили часы, и их глухой размеренный бой прокатился по пустым галереям, словно напоминая, что для живущих время продолжает идти своим чередом, тогда как прошлое умеет ждать бесконечно долго.

Элеонора бережно сложила письмо Изабель и, не торопясь перевязывать его выцветшей голубой лентой, еще некоторое время держала его в руках. Казалось почти невозможным поверить, что несколько исписанных листов способны так изменить представление человека о собственной семье. Еще утром она считала себя наследницей старинного дворянского рода, историей которого, как и тысячи других французских фамилий, терялась где-то среди бесконечной череды браков, рождений и смертей. Теперь же за каждым именем начинали проступать лица, судьбы и события, о существовании которых она прежде даже не подозревала.

Аббат Огюстен, наблюдавший за ней, не нарушал молчания. Он хорошо понимал состояние молодой женщины. Сам он пережил подобное чувство много лет назад, когда Луиза впервые позволила ему прикоснуться к семейному архиву. Тогда ему тоже казалось, будто привычный мир незаметно сдвигается со своего основания, открывая под собой иной, гораздо более глубокий пласт истории, где известные события переплетались с человеческими судьбами так тесно, что одно невозможно было отделить от другого.

Лишь когда Элеонора вновь положила письмо в ларец, настоятель подошел к столу и положил ладонь на лежавший рядом длинный свернутый свиток.

— Не думаю, что ваша бабушка случайно положила родословную рядом с письмом, — произнес он вполголоса. — Напротив, мне кажется, она рассчитывала, что после первых страниц вы непременно захотите проверить каждое слово Изабель.

Элеонора кивнула.

— Именно этого мне сейчас хочется больше всего. До сегодняшнего дня родословная представлялась мне всего лишь перечнем имен. Теперь я понимаю, что она может оказаться ключом к событиям, которые пережили столетия.

Она развернула длинный свиток.

Старый пергамент неторопливо расправлялся на поверхности стола, постепенно занимая почти всю его ширину. В верхней части листа, окруженный изящным орнаментом, был изображен герб де Вальмонов, знакомый Элеоноре с детства. Ниже, расходясь многочисленными ветвями, тянулись поколения семьи. Каждое имя было выписано одной и той же уверенной рукой, а тонкие линии, соединявшие родителей и детей, создавали сложный узор, напоминавший ветви огромного дерева.

Несколько минут она пристально рассматривала знакомые фамилии. Вот ее дед. Ниже — Луиза. Еще ниже — собственное имя, вписанное позднее другими чернилами. Все выглядело совершенно привычно.

И вдруг взгляд остановился.

Там, где начиналась самая верхняя часть родословной, что-то показалось ей странным.

Она наклонилась ближе.

— Отец Огюстен... посмотрите сюда.

Настоятель подошел к столу.

— Что вас удивило?

Элеонора коснулась пальцем начала родословной.

— Видите? Здесь древо начинается не с основателя рода, как это принято почти во всех генеалогиях. Первым человеком указана женщина.

Аббат внимательно посмотрел на пергамент.

Действительно, над всеми последующими поколениями было выведено имя:

Изабель де Вальмон.

Под ним — всего одна линия.

Она вела к имени, написанному несколько более темными чернилами.

Матье.

Дальше родословная продолжалась уже привычным образом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.